

*Джон
Ячменное Зерно*

ГЛАВА I

Все это случилось однажды в день выборов. После полудня я выехал из ранчо, спустился в Лунную Долину и направился в маленькую деревушку, чтобы голосовать *за* или *против* ряда поправок к конституции штата Калифорния. День был жаркий, и я несколько раз выпил до голосования и много раз — после. Затем, поднявшись на покрытые виноградниками и лугами холмы, я приехал на ранчо, когда уже была пора ужинать, и снова выпил перед ужином.

— Как вы голосовали: за женское равноправие или против? — спросила меня Чармиан.

— Я голосовал *за*.

Она вскрикнула от изумления. Да будет всем известно, что в дни моей юности я, несмотря на свой пылкий демократизм, не сочувствовал идее женского равноправия. Даже в позднейшие годы я относился к этой неизбежной социальной реформе без всякого энтузиазма.

— Но почему же вы голосовали *за*?

Я начал отвечать подробно и с раздражением. Чем больше я объяснял, тем больше сердился. (Нет, я не был пьян. Лошадь, на которой я ездил, недаром звали Разбойник. Хотел бы я видеть пьяного верхом на этой лошади!)

И однако... как бы это лучше сказать? Я был возбужден, чувствовал себя хорошо, был в приподнятом настроении.

— Когда женщины добьются избирательного права, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков, — сказал я. — Только женщины — жены, сестры и матери — смогут вбить гвоздь в гроб Джона Ячменное Зерно.

— Но мне казалось, что вы в дружбе с Джоном?.. — заметила Чармиан.

— Я его друг. Я был его другом. А теперь нет. И никогда не был. Меньше всего я его друг в то время, когда он со мной и когда кажется, что я его друг. Он — царь лжи. Он — воплощенная правдивость. Когда бываешь с ним, то кажется, что находишься в обществе богов. Но он также в союзе и с Курносой. Его путь ведет к неприкрашенной правде и к смерти. Он обладает ясновидением и видит мутные сны. Он — враг жизни, он учит мудрости, потусторонней мудрости жизни. Он — убийца с окровавленными руками. Он — удалая молодость.

Чармиан смотрела на меня, и по глазам ее было видно, что она задается вопросом, где я успел так напиться?

А я все говорил и говорил. Я был взвинчен. Каждая мысль в моем мозгу сидела в своей маленькой клетке, словно присев на пороге у самой двери, как узник в камере, ожидающий, когда откроются двери. И каждая мысль была откровением, ярким образом, четким, не смешивающимся с другими. Мой мозг был озарен ярким, блестящим светом алкоголя. На Джона Ячменное Зерно нашел правдивый стих, и он охотно раскрывал через меня как посредника свое тайное «я».

Я был его оратором. Воспоминания прошлого воскресали в моем мозгу и вытянулись в ряд, как солдаты на параде. Мне оставалось только выбрать любое. Я вполне владел своими мыслями и находил как раз нужные слова. При мне был весь мой жизненный опыт, я безошибочно находил нужные мне факты и строил изложение. Так обманывает и издевается Джон Ячменное Зерно, причудливо изоцряя ум, нашептывая роковые истины и прорубая яркие просеки в монотонной обыденности.

Я обрисовал Чармиан мою жизнь, объяснил ей, какой я человек. Я доказывал ей, что я вовсе не потоптвенный алкоголик, что в моем организме нет и следа врожденного органического влечения к алкоголю. В этом отношении я рос нормальным человеком. Влечение к алкоголю было у меня благоприобретенное. С трудом приобретенное. Вначале алкоголь вызывал во мне какое-то отвращение, как любое лекарство. Мне и теперь не нравится его вкус. Если я пью его, то только за тот удар хлыстом, который он дает. Но между пятью и двадцатью пятью годами я не ценил в нем даже этого. И только после двадцатилетнего обучения мой организм до некоторой степени приспособился к нему, и я, преодолев отвращение, выработал привычку к алкоголю.

Я рассказал Чармиан, как в первый раз познакомился с алкоголем, как впервые напился, как я чурался его раньше, и объяснил ей, что приучила меня в конце концов к алкоголю главным образом его доступность. Алкоголь не только всегда доступен, но и всегда под рукой. Какой бы профессией я ни занимался — был ли рудокопом, матросом, торговал ли на улицах газетами или просто путешествовал по чужим краям, — я видел вокруг себя алкоголь.

Где бы и когда бы ни сходились люди, ради каких бы то ни было целей — для веселья, для обмена мыслями, для обдумывания какого-либо предприятия или просто для того, чтобы отдохнуть от изнурительного труда, всегда связывал, объединял их алкоголь. Местом сборищ для людей был кабак, как для их пещерных предков — костер.

Я напомнил Чармиан, как на островах Тихого океана ее не пускали в священные хижины, бывшие для женщин табу, нарушение которого каралось смертью. Лохматые канныбалы уходили туда от своих жен, чтобы попойнствовать и повеселиться на свободе. В молодости я часто искал в кабаке спасения от женской опеки; там я попадал в мир мужчин, где было больше простора и шири. Все дороги, полные романтических приключений, вели в кабак и оттуда расходились по всему свету.

— Суть в том, — закончил я свою проповедь, — что я пристрастился к алкоголю главным образом благодаря его доступности. Вначале я был к нему равнодушен и даже смеялся над ним, но в конце концов все-таки сделался пьяницей. Влечение к алкоголю прививалось мне в течение двадцати лет, а в продолжение остальных десяти оно пускало в моем организме все более глубокие корни. Однако удовлетворение этого влечения никогда не доставляло мне никакого удовольствия. По натуре я человек жизнерадостный и веселый, а выпив, становлюсь мрачным пессимистом. Но, — поспешил я добавить, как привык делать всегда, — надо правду сказать: Джон Ячменное Зерно правдив. Он говорит правду, срывая личину с истин, которые мы называем правдой жизни, и показывает, что они — ложь. В этом его сила.

— Это не улучшает жизни, — сказала Чармиан.

— Совершенно справедливо. В этом его трагедия. Он ведет к гибели, и поэтому я голосовал сегодня за женщин.

Я вспомнил свою жизнь, вспомнил, какую роль в моей привычке к алкоголю сыграла его доступность. Очень немногие люди рождаются алкоголиками. Я называю алкоголиками людей, у которых организм требует алкоголя и бессилён перед ним. Большинство пьяниц не только не чувствовали раньше влечения к алкоголю, но даже испытывали отвращение к нему. Ни первая, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не формирует еще привычки. Люди учатся пить так же, как они учатся курить. Но к пьянству привыкнуть труднее, чем к курению. Привычка к алкоголю обуславливается его доступностью. Это хорошо знают женщины, испытавшие все на собственной шкуре, — жены, сестры и матери. Когда женщины будут иметь право голоса, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков. Благодаря этому новое поколение не будет знать алкоголя и не будет испытывать влечения к нему, а следовательно, не будет и чувствовать лишения оттого, что его нет. От этого выиграют и мужчины — их жизнь станет полнее и содержательнее, и женщины, которые будут жить с этими новыми мужчинами.

— Почему вы не напишете книгу об этом в назидание грядущему поколению? — спросила Чармиан. — Чтобы жены, сестры и матери знали, за что им голосовать.

— «Воспоминания алкоголика»? — Я криво усмехнулся. Впрочем, скорее не я усмехнулся, а Джон Ячменное Зерно; это он подсказывал мне все эти благонамеренные софизмы, и именно он скривил мою улыбку в насмешку. Он любит такие штуки.

— Зачем вы так говорите? — перебила Чармиан, не замечая издевки Джона. — Вы ведь сами говорите, что вы не алкоголик, а всего лишь пьющий человек. Вы хорошо познакомились с Джоном Ячменное Зерно. Опишите это знакомство и назовите вашу книгу «Воспоминания об алкоголе».

ГЛАВА II

Вначале я попрошу читателя постараться понять, о ком и о чем я пишу, потому что, только поняв меня, он сможет проникнуться ко мне должным сочувствием. Во-первых, я должен сказать, что я не заядлый пьяница с врожденным влечением к алкоголю, я не дурак и не обладаю слишком сильным животным инстинктом. Я знаю все, что можно сказать о Ячменном Зерне, от альфы до омеги, и, напиваясь, прекрасно владею собою. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня укладывали спать. Короче говоря, я — обыкновенный, нормальный человек и пью, как все. В этом вся суть. Я хочу описать, как действует алкоголь на обыкновенного, нормального человека. Настоящих алкоголиков, маньяков пьянства, которых сравнительно мало, я касаться не буду.

Пьющие делятся на два типа. Тип первый, всем хорошо известный: это тупые существа, не одаренные фантазией, с оцепеневшими в оцепенелых причудах мозгами. Они ходят качаясь, широко расставив ноги, и обычно кончают тем, что сваливаются в канаву. Заканчивается это состояние тем, что перед глазами у них начинают мелькать розовые слоны и голубые мыши. Над пьяницами этого типа обычно оттачивают свое дешевое остроумие юмористические журналы.

Второй тип — люди с большим полетом фантазии, обладающие пронизательностью. Походка у них твердая даже тогда, когда алкоголя ими принято предостаточно. Они никогда не выписывают вензеля, всегда устойчивы и никогда не теряют сознания. Опьянение касается только их мозга, но совершенно не властно над телом. Такой человек может быть веселым и остроумным; у него могут быть видения и фантазии космического масштаба, подавляющие своей железной логикой. В этом состоянии он срывает с жизни ее обманчивые покровы, и взорам его представляется скрывающее его дух железное кольцо необходимости. Это часть наивысшей власти Ячменного Зерна. Напиться до такой степени, чтобы упасть в канаву, — дело нехитрое и доступно каждому. Но страшно, когда твердо стоящий на ногах человек спокойно приходит к выводу, что единственный путь к освобождению — это ускорить свою смерть. Это час Белой Логик, когда человек понимает, что он может узнать лишь законы, которые управляют вещами, но что ему никогда не познать вещь в себе. Это для него час испытания. Он становится на тропинку, которая ведет прямо к могиле.

Он понимает все. Он знает, что все попытки разрешить проблему бессмертия имеют своим источником панический страх перед смертью, который еще увеличивает трижды проклятая сила воображения; люди не хотят умирать, им не хватает воли к смерти, когда час смерти уже наступил. Они обманывают самих себя и думают увильнуть от смерти; они обольщают себя надеждой, что жизнь будет продолжаться и по ту сторону могилы и что разложение и полное уничтожение — удел только бессловесных тварей. Но, когда человек находится во власти Белой Логик,

он понимает, что это самообман. Смерть равна для всех. Нет ничего нового под луной, даже этого мифа малодушных — бессмертия.

Он, стоящий твердо на ногах, знает, где источник этой утешительной идеи; он знает, что создан из плоти и костей, из солнечной энергии и космического праха, он — хрупкий механизм, которому дан в удел лишь один момент из вечности, и что, сколько бы ни заботились о нем доктора медицины и богословия, он все равно в конце концов будет брошен в яму.

Разумеется, все это душевная болезнь, отвращение к жизни. Человек, одаренный фантазией, платит дорогой ценой за свою дружбу с Ячменным Зерном. Человеку тупому гораздо легче: он только балдеет от алкоголя, теряет сознание и засыпает мертвецким сном, и сны, если они посещают его, нелепы и бессвязны. Но человек, одаренный полетом фантазии, подпадает под власть роковых силлогизмов Белой Логике. Он видит жизнь, какой видел ее немецкий философ-пессимист. Иллюзии для него прозрачны: он видит сквозь них. Переоценивая все ценности, он добро называет злом, истину — ложью, а жизнь считает шуткой. Стоя на холодных вершинах безумия, он с уверенностью Бога утверждает, что жизнь — зло. При спокойном, холодном свете Белой Логике жена, дети и друзья кажутся ему призраками, фикцией. Он замечает в них слабость, злобу и мелочность. Он не поддается на обман этих мелких, ничтожных эгоистов, живущих один час, как мельгешащие мотыльки. Они — несвободны, они — марионетки в руках случая. Таков же и он сам. Разница между ними только в том, что он это видит, знает это. Кроме того, он знает, что его свобода — только право добровольно умереть. Такое сознание не может принести пользы человеку, которому нужно жить,

любить и быть любимым. Логическое следствие такого состояния — самоубийство — моментальное, от нажима курка, или медленное угасание, растянутое на несколько лет; вот чем расплачиваются друзья Ячменного Зерна за свою дружбу с ним, и никому не удается увильнуть от этой расплаты.

ГЛАВА III

Впервые я напился, когда мне было пять лет. Это было летом. Отец мой пахал в поле, и меня послали из дому отнести ему кувшин с пивом. Когда я уходил, меня снабдили инструкцией: «Смотри же, не расплещи пиво».

Я очень хорошо помню этот кувшин, узкий снизу и широкий сверху и без крышки. Пока я шел, пиво плескалось и обливало мне ноги. Дорогой я думал: пиво стоит дорого, значит, оно очень вкусное, поэтому родители не дают мне его; я уже знал на опыте, что взрослые часто не дают мне того, что вкусно. Следовательно, пиво тоже вкусное, и старшим это известно. Кувшин переполнен, и пиво выливается зря. Какой в этом смысл? Не все ли равно, выпью я его или оно перельется через край? А о том, что я выпил, все равно никто не узнает.

Сначала мне попала в рот пена, но она мне не понравилась: должно быть, не пена играет в пиве главную роль. Тут я вспомнил, что взрослые всегда сначала сдувают пену; тогда я окунул лицо в кувшин и стал пить густую жидкость.

Пиво мне не понравилось, но я продолжал пить. Раз взрослые пьют, то должно же это быть вкусно. Я пил его, как пьют лекарство, с отвращением. Много ли я выпил, не знаю, но спустя некоторое время

я встал и пошел дальше. Я чувствовал тошноту, но думал, что, очевидно, приятное ощущение появится после. Поле, на котором работал отец, находилось в полумиле от дома, и я не один раз еще присаживался и отпивал из кувшина. Увидев, что пива осталось немного, я стал мешать его палочкой, чтобы оно вспенилось. Действительно, на пиве появилась пена, и кувшин снова казался полным.

Отец не заметил моего обмана, с удовольствием выпил пиво и опять стал работать, как и подобает вспотевшему от жары работнику. Я пробовал пойти с ним, рядом с лошадьми, но покачнулся и упал. Отец натянул вожжи, и лошади едва не раздавили меня. Потом он рассказал мне, какой опасности я подвергался: мне чуть не распорол живот лемехом. Я как во сне помню, — отец на руках отнес меня и положил в кустарник, как все кружилось перед моими глазами, помню ощущение мучительной тошноты, смутное сознание какого-то нехорошего поступка.

Я проспал до вечера. Отец разбудил меня, и я с трудом побрел за ним домой. Все члены мои точно налились свинцом, а в желудке что-то переливалось и било в нос. Я чувствовал себя отравленным. Да, действительно, это и было отравление.

Время шло, и я думал теперь о пиве то же, что и о плите, о которую я однажды обжегся. Взрослые говорят правду, что пиво — не для маленьких. Взрослые не боятся его, но они не боятся и никаких лекарств — ни пилюль, ни касторового масла. Мне не нужно пиво. И я, разумеется, так и не пил бы никогда ни пива, ни вообще алкоголя в каком бы то ни было виде, если бы не обстоятельства. В том мире, где я жил, Джон Ячменное Зерно встречался мне на каждом шагу и дружески улыбался мне. Спасения от него не было.

К нему вели все дороги. И все же понадобилось двадцать лет близкого общения с этим негодяем, чтобы я смог так сильно привязаться к нему.

ГЛАВА IV

Во второй раз я встретился с Ячменным Зерном, когда мне исполнилось семь лет. Причиной встречи был страх, а отнюдь не собственное желание. Наша семья жила в это время на новой, вновь приобретенной ферме, в округе Сан-Матео, на берегу унылого, печального залива к югу от Сан-Франциско. Это была дикая местность, с примитивными условиями жизни. Помню, мать с гордостью говорила о том, что мы — представители старинного американского рода, а не какие-нибудь там иммигранты, как наши соседи — итальянцы и ирландцы. В этой местности мы были единственными чистокровными американцами.

Однажды в воскресенье я очутился, не помню как и зачем, на ранчо у наших соседей, ирландцев Морриса. Там было много молодежи с соседних ферм, а также старики, пившие уже с утра, были и такие, что начали пить еще накануне. Морриса представляли собой многочисленную семью: там было много стройных молодых людей — сыновей и племянников, в тяжелых сапогах, с огромными кулачищами и зычными головами.

Вдруг девушки закричали:

— Дерутся! Дерутся!

Все засуетились, мужчины выбежали из кухни. Два полуседых великана, покрасневшись, обхватив друг друга, топтались на месте.

Одного звали Черный Мэт. О нем говорили, будто он убил уже двух человек. Женщины ахали, кричали,

в ужасе закрывали лицо руками, шептали молитвы, но не переставали сквозь сложенные пальцы смотреть на борющихся. Но, могу сказать, никто не следил за происходящим более внимательно, чем я: ведь мне предстояло увидеть поразительное зрелище — убийство человека! Во всяком случае, драку-то я увижу. Но я был страшно разочарован! Черный Мэт и Том Моррисси только сжимали друг друга в объятиях и топтались на месте, топая огромными ногами, обутыми в неуклюжие сапоги: они напоминали танцующих слонов. Для драки они оба были слишком пьяны. Наконец их успокоили и увели в кухню, где они ознаменовали восстановленную дружбу новой выпивкой.

Скоро в кухне стали раздаваться громкие голоса и смех. Так разговаривают и смеются люди со здоровыми легкими. Виски развязало языки молчаливым фермерам. Я встал на цыпочки и, преодолевая страх, который побуждал меня бежать прочь без оглядки, с любопытством заглянул в кухню, чтобы посмотреть, как ведут себя взрослые. Я очень удивился, увидев Черного Мэта и Тома Моррисси: они обнялись, навалившись на стол, и обливались слезами.

Выпивка продолжалась своим чередом, и собравшиеся во дворе девушки стали все больше беспокоиться. Они знали, к чему ведет пьянство, и, предчувствуя неладное, хотели уйти пораньше подобру-поздорову, пока еще ничего не случилось; они собрались пойти за четыре мили на итальянскую ферму, где надеялись потанцевать.

Молодежь разбилась на пары, и каждый парень отправился со своей «дамой сердца» — семилетние мальчишки обычно бывают лучше всех осведомлены в амурных делах своих соседей. Мне тоже определили даму: маленькую ирландку, мою ровесницу. Мы были

единственными детьми во всей этой компании. Впрочем, там не было никого старше двадцати, а девушкам — по четырнадцать—шестнадцать лет. Я и моя дама возбуждали у взрослых покровительственное отношение. Я вел ее под руку, а иногда даже брал за талию, как мне советовали старшие. Хотя так идти было неудобно, я все же испытывал гордость от сознания, что я тоже мужчина и что у меня есть «дама».

Итальянское ранчо было населено исключительно холостяками, и поэтому нам там очень обрадовались. Всем дали красного вина и моментально убрали столы из большой столовой, чтобы можно было танцевать. Молодые люди пили вино и танцевали под аккордеон.

Музыка казалась мне божественной: я еще никогда не слышал лучшей. Молодой итальянец, игравший на аккордеоне, и сам иногда пускался в пляс, при этом не переставая держать аккордеон в руках, за спиной своей девушки. Я не принимал участия в танцах, но не виданное мной никогда зрелище доставляло мне истинное наслаждение. После танцев ирландцы тоже стали пить. Шум и веселье не прекращались. Некоторые из танцоров пошатывались, падали на пол, а один даже заснул в уголке.

Некоторые девушки выражали недовольство и порывались уйти, другие же стали еще веселее прежнего, хохотали и, кажется, ждали, чтобы что-нибудь случилось.

Хозяева-итальянцы предложили вина и мне, но я отказался. Я еще слишком хорошо помнил опыт с пивом, чтобы у меня появилось желание повторить это с вином. Но тут один молодой итальянец, видя, что я сижу в одиночестве, из озорства налил полстакана вина и протянул его мне. Я опять отказался. Он на-

хмурился и, сердито глядя на меня, протянул мне стакан. Я страшно испугался. Сейчас я объясню вам причину моего страха.

Дело в том, что у моей матери были кое-какие теории; к их числу относилась и та, что все черноволосые и черноглазые люди коварны. Нет нужды объяснять, что сама она была блондинкой. Кроме того, она считала, что черноглазые латинские народы очень легко возбуждаются, очень вероломны и что для них убить человека ничего не стоит. Я еще смотрел на мир ее глазами, а она часто рассказывала, что если итальянца обидеть, даже нечаянно, то он всадит вам нож в спину. Это буквальные ее слова: «нож в спину».

Еще утром я сгорал от желания увидеть, как Черный Мэт убьет Тома Моррисси, но теперь я был далек от желания доставить удовольствие танцорам, которые увидели бы меня с ножом, торчащим из моей спины. В ту пору я не знал еще разницы между теорией и практикой, и мнение моей матери об итальянцах было для меня свято. Да и сам я кое-что слышал о законах гостеприимства, которые нельзя нарушать. Вспыльчивый и жестокий итальянец гостеприимно угощал меня вином. Ясно, что, если я не приму его угощения, он обидится и всадит в меня нож, как лошадь непременно лягнет копытом, если подойти к ней сзади. Глаза у этого итальянца (его звали Питер) были именно такие страшные и черные, как их описывала моя мать; у нас в семье глаза у всех были серые или голубые, а у ирландцев, которых я знал, — бледные и добродушные. Питер, по-видимому, выпил порядочно: глаза его сверкали черным коварством. В них была тайна, неизвестность, а мне было только семь лет, и разве я мог постигнуть их жуткие намерения? Я увидел в них смерть и отклонил предложенное мне

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО <i>Перевод В. Азова</i>	5
ДОРОГА	
Признание. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	241
Держись! <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	260
Картинки. <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	283
«Замели». <i>Перевод А. Степанова</i>	299
Исправилка. <i>Перевод А. Степанова</i>	317
Бродяги, которые проходят ночью <i>Перевод А. Степанова</i>	335
Беспризорные мальчишки и бродячие коты <i>Перевод А. Степанова</i>	358
Две тысячи бродяг. <i>Перевод А. Степанова</i>	376
«Быки». <i>Перевод Р. Гальпериной</i>	392